

Обход

Хайруллин Айрат

Айрат Хайруллин

Обход

<https://litres.ru/74111689>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старый дом под яблоней, три папки на столе — и один пожилой мужчина, который умеет молчать так, что это молчание страшнее любого крика. Равилю Ильясовичу шестьдесят один год, тридцать пять лет он гасит свет в залах уфимского музея — комната за комнатой, всегда в одном порядке. А теперь кто-то пытается погасить дом его тётки — тихо, юридически, с улыбкой «клиентоориентированного» родственника, снимающего сторис для подписчиков.

Кто кого перехитрит: молодой девелопер с телефоном наготове или старик, для которого тишина — единственное оружие, которое нельзя отобрать? Роза-апа перебирает тасбих и путает имена внуков. Документы готовы к подписи. Инвесторы ждут пятнадцатого числа.

Но у Равиля есть то, чему его научили ещё за кулисами театра: с теми, кто ищет повод, не спорят — их переигрывают спокойствием.

Рассказ о том, как настоящая сила выглядит совсем не так, как в роликах про личные границы.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Обход

Глава

Стол вынесли во двор ещё с утра — тяжёлый, крашенный по кромке жёлтой масляной краской, тот самый, за которым в этой семье двадцать лет остывали все споры, от раздела огорода, до имени, которое давать новорождённому. На столе лежали три папки: две тонкие, казённые, третья — толстая, потрёпанная, перетянутая аптечной резинкой, из-под которой торчали уголки старых квитанций. Анвар сидел с той стороны стола, что ближе к калитке, — сидел вполоборота, будто в любую секунду готов был встать и уйти, хотя уходить, разумеется, не собирался: это была поза человека, у которого сто важных дел и который жертвует временем ради тётушки. Телефон он держал не в кармане, а в руке, экраном чуть вверх, — привычка, которая выработалась у целого поколения незаметно и которую, раз заметив, уже невозможно не видеть: они держат телефон так, как раньше держали папиросу, для равновесия в руке, а не для дела.

Роза-апа сидела в торце стола, спиной к дому, лицом к яблоне, и перебирала тасбих — тридцать три зелёные пластиковые бусины, привезённые дальней роднёй ещё из Мекки и с тех пор не покидавшие её пальцев ни на поминках, ни на свадьбах, ни вот теперь, когда речь шла о том, чтобы отпи-

сать дом. Она перебирала их, не считая: палец сам находил бусину, сам её отпускал, и звук был такой ровный, такой не имеющий отношения к происходящему за столом, что через минуту переставал слышаться — так перестаёт слышаться ход настенных часов в комнате, где живёшь тридцать лет.

Равиль стоял. Не потому, что не предложили сесть — стул как раз пустовал, с прямой некрашеной спинкой, — а потому что понимал: сядет — окажется на одном уровне с этими папками, с этой игрой, а игра была устроена так, чтобы за столом полагалось нервничать, стучать пальцем по бумаге, доказывать. Стоя, он был выше на голову с лишним, и это было единственное преимущество, которым имело смысл воспользоваться, — не потому, что рост что-то решает в делах о наследстве, а потому что человеку, которому придется задирать подбородок, чтобы тебе что-то втолковать, надоедает быстрее.

— Равиль Ильясович, ну вы же понимаете, — сказал Анвар тем особым голосом, который в конторах, где он подвизался, зовут, кажется, клиентоориентированным, — это вопрос экологически осознанного выбора. Тётя Роза не молодеет, дом не молодеет, участок в санитарной зоне, с газом сложности. Мы предлагаем решение, которое выгодно всем сторонам.

Равиль посмотрел на него ровно столько, сколько нужно, чтобы взгляд был замечен, но не столько, чтобы его можно было назвать тяжёлым, — и сказал, что подумает. Всё.

Два слова. Никаких «как вы смеете», никаких «я этого так не оставлю» — ничего из того, что можно вырезать из видео и подписать хэштегом. Анвар чуть подался вперёд, как леска, которую дёрнули и не почувствовали рыбы, — телефон в его руке слегка качнулся, ожидая кадра, который так и не случился, — и Равиль, не прощаясь особо, взял с забора кепку, надел и пошёл к калитке тем шагом, каким полвека ходят люди, знающие, что дорога до автобуса длинная, а спешить некуда, потому что бежать — значит признать, что за тобой гонятся.

Тут, наверное, стоит объяснить, откуда в шестидесятиоднолетнем человеке эта манера не отвечать на провокацию словом на слово. Двадцать с лишним лет Равиль проработал электриком сцены в Башкирском театре оперы и балета — том самом, с колоннами, куда все уфимские дети хоть раз в жизни ходили на «Щелкунчика», — а последние пятнадцать сторожит залы Нестеровского музея на Гоголя, и каждый вечер в девять пятнадцать делает обход: гасит свет комната за комнатой, всегда в одном и том же порядке, всегда поправляет одну и ту же чуть съехавшую раму в зале с портретами, хотя рама эта не съезжает уже года три, просто рука помнит движение и делает его по привычке, как крестится нерелигиозный человек, входя в церковь по старой памяти. В театре его учил старик Фанис Ибрагимович, машинист сцены, человек, помнивший ещё довоенные декорации, и однажды, в восемьдесят седьмом, когда молодой Равиль едва не влип в

историю с парторгом — вспльчивым, ищущим повод человеком, который придирался к нему за опоздание на пятнадцать минут, случившееся не по вине Равиля, а по вине автобуса, — Фанис Ибрагимович отвёл его за кулисы, к штанкетам, и сказал слова, которые Равиль пронёс через всю жизнь, ничего в них не меняя: не спорь с тем, кто ищет повод, ему правда твоя без надобности, ему нужен крючок, чтобы тебя на него подцепить. Начнёшь оправдываться — он услышит слабость. Начнёшь доказывать — увидит суету, а суета всегда пахнет страхом. С такими не разговаривают долго. Сказал спокойно в глаза — и отошёл, потому что победа иногда не последнее слово, а отсутствие лишнего движения.

Равиль тогда не спорил с парторгом. Молча кивнул, сказал, что автобус ходит по расписанию не всегда, и вернулся к софитам. Через месяц парторга самого сняли за растрату талонов на дефицит, а Равиль ещё двадцать лет гасил свет в зрительном зале строго по счётчику, зная про себя одну простую вещь: суета — это всегда подарок противнику, а тишина — то небольшое, что нельзя отобрать, потому что она не занимает никакого места, за которое можно ухватиться.

С Гульнарой он познакомился там же, за кулисами, — она работала в костюмерной, штопала лебединые пачки и однажды приколола Равилю к рукаву иголку с ниткой вместо того, чтобы дать её в руки, потому что руки у него были заняты штативом, и оба потом полвечера смеялись, вспоминая, как он проходил с этой иголкой, не замечая. Прожили трид-

цать четыре года — ровно столько, сколько нужно, чтобы научиться заканчивать друг за друга фразы и одновременно научиться удивляться этому дару. Гульнара умерла в марте, три года назад, тихо, во сне, и Равиль тогда узнал на собственной шкуре то, о чём Фанис Ибрагимович ему не рассказывал: что метод физического действия работает не только против чужих людей, ищущих повод, но и против собственного горя, которое тоже, если вдуматься, ищет повод — повод сесть на пол посреди комнаты и не встать. В день похорон он всё равно сделал обход: не потому, что музей без него не справился бы, у него был отгул, но он приехал, прошёл все залы в привычном порядке, поправил ту самую раму, погасил свет, — и только после этого позволил себе то, чего никто, кроме него, не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.